

Елена Викторовна Захарова

СОКРОВИЩА РУССКОГО МИРА

Сборник статей о писателях

Елена Захарова

**Сокровища Русского Мира.
Сборник статей о писателях**

«Издательские решения»

Захарова Е. В.

Сокровища Русского Мира. Сборник статей о писателях /
Е. В. Захарова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938946-6

Жизнь человека — мгновение по сравнению с жизнью Человечества. Всем ли дано право запечатлеть это мгновение? Книга Е. В. Захаровой, как уникальная шкатулка с драгоценностями, объединила талантливых поэтов Русского Мира. Поэты, имеющие разные взгляды на мир, жившие или живущие в разное время и в разных странах, объединенные русским словом, являются говорящими собеседниками в ее статьях. Книга будет интересна любителям поэзии, любителям истории и просто читателям с хорошим литературным вкусом.

ISBN 978-5-44-938946-6

© Захарова Е. В.
© Издательские решения

Содержание

С открытым забралом. Об авторе книги. Юрий Конецкий о Елене Захаровой	6
1 часть. Уральский магнетизм	9
Магнетизм уральских вершин	10
Социалистический романтизм Бориса Ручьева	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сокровища Русского Мира **Сборник статей о писателях**

Елена Викторовна Захарова

Автор идеи Лина Францева

Редактор 1ч Татьяна Богина

Редактор 2 ч(219-255) Светлана Алексеевна Ким

Редактор 2 ч (219-255) Надежда Николаевна Кудашкина

Редактор 2ч (с.209-213) Евгений Лобанов

Корректор (С.248-255) Евгений Федоров

© Елена Викторовна Захарова, 2018

ISBN 978-5-4493-8946-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С открытым забралом. Об авторе книги. Юрий Конецкий о Елене Захаровой

Е. В. Захарова.

Профессиональный журналист и дипломированный киновед, Елена Захарова с детских лет писала стихи. Иногда печаталась в газетах и журналах, не делая попытки выйти к читателю отдельной книгой. И вот наконец мы раскрываем первый сборник стихов Елены Захаровой и понимаем, что она – «родом из детства», где рыцарское благородство трёх мушкетёров было примером для неё и друзей-сверстников, а её любимым героем на всю жизнь стал Д*Артаньян. Коммуналка с добрыми соседями, бабушкины пироги, мамина верность отцу, рано ушедшему из жизни, навсегда стали её духовной опорой.

И росло нас в этом доме трое,
Лет послевоенных ребятня...
Если б детство выпало второе,
Может быть, и нянчили нас много,
Но у мамы каждого из нас
И для своего, и для чужого
Находился нежности запас.

Дети «оттепели», наследники Победы, они стали свидетелями того, как общество возвращалось к нормальной жизни. Люди распрямились, поверили в необратимость перемен, молодое поколение надеялось и мечтало «жить при коммунизме».

Первые стихи школьницы Лены Захаровой в конце шестидесятых заметил и напечатал в газете Борис Марьев, поэт-романтик, непререкаемый авторитет и вождь поэтической молодёжи тех лет. Елена поступила в УРГУ, готовясь к журналистской деятельности, как наиболее подходящей к её гражданским устремлениям.

Будучи журналистом, она заочно закончила ещё и киноведческий факультет ВГИКа в Москве. С энтузиазмом пропагандировала киноискусство, печатала яркие кинообозрения и статьи, многочисленные рецензии, двадцать с лишним лет работала редактором свердловского телевидения. Но лирическое начало её души не остывало и тогда появлялись стихи, в которых чувствовалась добротная школа, где чувства не прячутся за кудрявые образы. Творческую атмосферу поддерживали и мудрые наставления её дяди, краеведа и писателя, Стефана Захарова и нравственные устои семьи.

«Мамин чёткий учительский почерк,
Букв отцовских стремительный бег
И такая любовь между строчек,
Что могла продолжаться весь век».

Русская поэтическая классика также «питает» её оптимизм. Идя по жизни «с открытым забралом», она готова доверить нам свои чувства. В парадоксальности её строк нет назойливой назидательности, её жизненный опыт предупреждает читателя.

«Привычны мне беды, я жду их прихода,
Меня не обманет успех,
А счастье меняется, словно погода:
То солнце, то дождик, то снег».

Елена Захарова по-рыцарски добра и открыта людям и они тянутся к ней.

«Я хочу защищать, утешать,
Пробуждать, ободрять в час печали
И не только другого понять,
Я хочу чтоб меня понимали.
Чтобы жизнь моя грела, как печь,
И к ней жались усталые люди,
И звучала негромкая речь,
Вытекая из пасмурных буден.»

К афористичности и логичности её манеры, порой примешиваются навыки мгновенного отклика на волнующие события, но зато стихи эти и точнее прорисовывают характер, дают возможность ощутить ритмы времени и достоверность чувств автора.

Думаю, читатель с интересом прочтёт эту книгу.

Ю. Н. Конецкий.

ЮРИЙ КОНЕЦКИЙ.

поэт, член Союза Писателей России,

академик Академии поэзии.

2013

1 часть. Уральский магнетизм

Поэты на празднике «День города Екатеринбурга»

Магнетизм уральских вершин

1

«Критика спит. Только этим можно объяснить, что крупные явления нашей литературы остаются незамеченными», – так писал Сергей Городецкий при появлении поэмы Есенина «Пугачев». К сожалению, современная нам литературная критика сон свой не прервала, что становится очевидным из-за ее молчания не только по поводу появления крупных лирических и эпических произведений, но и вокруг практического отсутствия их появления. Интерес к жареным фактам истории вытеснил сам историзм мышления из литературно-критических статей. А разве не интересно сопоставить появление тысячи поэм в послереволюционную эпоху, поэм, где авторы разного масштаба и уровня дарования от Блока и Маяковского до какого-нибудь Дорогойченко, украшавшего однообразный пейзаж по выражению великого современника, стремились сопоставлять свою судьбу с судьбой эпохи, и затянувшееся молчание современных нам поэтов? При чем молчание это растянулось на период, когда страна переживает один катаклизм за другим, кризис за кризисом, идет смена тысячелетних ориентиров и социальных традиций, эпохальная ломка границ, критериев, систем и одновременно простых человеческих судеб. Почему же поэты-эпики взяли и замолчали? Явление это, мне думается, все-таки далеко от гибели жанра. Периодически в истории литературы подобная ситуация повторяется. Еще Лермонтов в «Сказке для детей» сетовал:

«Промчался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упадок...»

Тем более важно следить за тем, как этот потенциально богатый неиссякаемыми возможностями жанр проявляет себя сейчас, откуда пытается почерпнуть новые силы.

Замолчали, конечно, не все. И к этим одиночкам сейчас требуется особое, вдумчивое внимание. В отечественном кино в девяностые художественных значимых фильмов почти не появлялось, тогда кинокритики стали разворачивать дискуссии вокруг любой премьеры, вокруг каждой пусть слабой попытки прорыва. Все лучшие российские киноработы последних лет, завоевавшие длинный шлейф международных фестивальных наград, на мой взгляд, выросли на этой дискуссионной почве. В литературной критике по сей день подобная ситуация отсутствует. Обидно, что отсутствует она и в уральской литературной критике. А ведь именно здесь историко-эпическая тема имеет зримые корни не только в поэзии, но и в других искусствах. Можно вспомнить хотя бы творчество замечательного графика Спартака Киприна, в котором мы встречаем и Пугачева, и Разина – героев поэм Марьева и Конецкого, погружаемся во вроде бы дискомфортную, но полную ВРЕМЯ №6 (30) Информационно-просветительская газета 30 июня 2017 г. Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям МАГНЕТИЗМ УРАЛЬСКИХ ВЕРШИН человеческим теплом, почти уютную, обстановку рабочего барака, воспетую еще Татьяничевой и Ручьевым. Нет, к сожалению, уже ни самого художника, ни многих, чье творчество он мне напомнил. Например, поэта-эпика, написавшего замечательный «Уральский временник» – свод поэм, художественно осмысляющий всю историю нашего великого края, – Юрий Валерьевич Конецкий был руководителем одного из интереснейших поэтических семинаров в стране, на занятиях которого эпические традиции гражданственности прямо-таки витали в воздухе.

Не одинок он как автор значительных эпических произведений не только среди учеников.

А. Ю. Конецкий. Ю. Н. Конецкий. Л. А. Ладейщикова

В прекрасной, почти легендарной поэтической семье, состоявшей из трех поэтов: отец, мать и сын – Конецкий, Любовь Анатольевна Ладейщикова и московский поэт Арсений Юрьевич Конецкий – женщина-поэт сказала свое великолепное слово. Поэмы Ладейщиковой, написанные еще в юности, удостоились высокой оценки Людмилы Татьянической, замечательное эпическое начало поэзии которой так и не сумело найти выражение в крупномасштабных произведениях. Ладейщиковой же она тогда сказала: «Хорошо, что вы смолоду взялись за крупные формы... У вас сильный, узнаваемый голос, и я многого от вас жду».

Далее я буду рассматривать и особенности этих наших выдающихся поэтов-современников, и соотношение их творчества с предшественниками.

Поэма по-гречески означает «творение». То есть «Медный всадник» Пушкина по сути творение одного гения, посвященное творению другого. Я не пытаюсь сопоставлять масштабы поэтических дарований, поскольку Пушкин – гениальный первопроходец тех путей, по которым продолжают и сейчас идти поэты классической школы реализма, но, когда Конецкий пишет о создателе Царь-Вазы, бережно хранимой в Эрмитаже, тут тоже возникает переключка разделенных временем дарований. Пространством времени, не географическим. Да и вся история по Конецкому – это творческое переосмысление одним талантом деятельности других. Они вместе создают Уральскую историю. В общем миротворчестве всего человечества поэма, по словам Блока, «переход от личного к общему». Первые поэмы – эпос Гомера, он предшествовал всем другим искусствам. Уральская школа поэзии имеет право на собственный голос во всей поэзии России.

Даже нелепая шуточка: «Ты что – с Урала?» – на чем, в общем-то, основана? Над чем смеетесь – над нераскрытым потенциалом по-былинному сильной личности? (Вспомним хотя бы Сашу с Уралмаша в исполнении великого Бориса Андреева в одном из лучших отечественных фильмов военной темы «Два бойца» режиссера Лукова).

Раскрывать этот потенциал и дарить его российской словесности – задача и уральской поэзии, и, к сожалению, еще не сложившейся у нас критической школы.

Поэтому, мне кажется, будет вполне уместно вернуться к рассмотрению тех традиций, которые здесь уже существуют, были утверждены замечательными первопроходцами

уральской поэтической эпике – Ручьевым и Татьянической, потом по-разному, в зависимости от творческой индивидуальности, продолжены шестидесятниками, и ныне живущие в произведениях наших со-временников. Это тем более уместно, что когда-то именно Борис Ручьев и Людмила Татьяническа напутствовали Ладейщикову и Конецкого в начале пути в большую литературу, воспринимая эту молодую чету не только как своих продолжателей и духовных наследников, но как две самостоятельные, независимые и непохожие ни на кого другого личности. Эту независимость и непохожесть Любовь Анатольевна и Юрий Валерьевич, так же, как и свой союз, проверили временем и сохранили на всю жизнь.

«Разница возрастов в иных случаях людей сближает, – так в цеховой бригаде интересы дела перевешивают все другие соображения, и старший по возрасту и опыту собригадник не то чтобы гнушается подсказать молодому парню, а наоборот, рад поделиться всеми знаниями и навыками, лишь бы дело хорошо спорилось,» – писал о своем учителе в поэзии уже маститый, отмеченный большим количеством всяческих премий, поэт Юрий Конецкий в статье «Уроки Ручьева».

©Елена Захарова

Социалистический романтизм Бориса Ручьева

Борис Ручьев

Борис Александрович Ручьев (настоящая фамилия Кривошеков) – поэт, корнями связанный с уральским фольклором, народным творчеством. Отец поэта Александр Иванович был известным этнографом и фольклористом. Еще не осознав себя как поэт, Ручьев, по воспоминаниям его друга Михаила Люгарина, тянулся к поэзии именно тех современников, чье творчество несло в себе богатое лирическое, песенное начало – прекрасно знал Есенина, Уткина, Жарова, Исаковского. Люгарин вспоминает: «Мы сами подбирали мелодии к стихам и распевали их на все лады, бродя по улицам, уходя на луга, за реку.»

Словом в поэзию Ручьев вошел через песню и заливчатая песенность эта, непонятно на какой мотив, но точно, что авторский, приближающий чужие стихи к собственному, самостоятельному мировосприятию, к личностному интуитивному чутью прекрасного, прошла потом через всю творческую его судьбу, начиная с того стихотворения, которое открывало первую поэтическую книжку «Вторая родина». Этим стартовым стихотворением было «Отход», окончательно определившее дальнейший выбор пути и отъезд поэта в город

«Прощевай, родная
зелень подорожная,
зори, приходящие
по ковшам озер,
золотые полосы
с незрелой рожью,
друговой гармонии
песенный узор.»

Редактировали «Вторую родину» Эдуард Багрицкий и Алексей Сурков. Книга вышла одновременно и в Москве, и в Свердловске, вызвав внимание достаточно, видимо, чуткой к молодому таланту критики. Возможно такая всеобщая чуткость и в самом Борисе Александровиче зародила талантливую, судя по воспоминаниям Конецкого, просто гениального редактора. Позволю себе процитировать Юрия Валерьевича:

«... Борис Александрович начал «делать книгу».

Он брал листок с отпечатанным на машинке стихотворением и сосредоточенно прочитывал его, сухо пожевывая губами, и – либо складывал в аккуратную стопочку на столе справа, либо огорченно ронял с левой руки на ворсистый ковер, расстеленный на полу...

Разных редакторов я к тому времени уже повидал предостаточно. Газетные всегда выбирали из предложенных подборок самые слабые стихи, – у них было на это какое-то особенное чутье! – и печатали, похвалили: «Молодец, тему хорошую взял – о заводе!». Журнальные же редактора любили править строчки так неистово – особенно этим грешил заведующий отделом поэзии в «Урале» седовласый поэт-фронтовик Леонид Шкавро, – что когда искромсанные ими и еле узнаваемые самими авторами стихотворения появлялись в печати, хотелось вырвать эти страницы изо всех экземпляров выпущенного тиража и на пушечный выстрел никогда больше не подходить к журнальному порогу.

Но такой добросердечной редакторской работы я, разумеется, никогда еще не видывал, и ошарашенно следил, как очередной лист либо падал под ноги неподкупного составителя, либо пополнял тощую пачку взыскательно отобранных «шедевров».

«Держи, – через час он удовлетворенно протянул одобренную им пачечку стихотворений, – вот только главному редактору записку черкну... А это г..., – он кивнул на листы, разбросанные по ковру, – не стоит и поднимать».

Я еще буду говорить об этих не пропавших даром уроках и для творчества редактируемого тогда Ручьевым молодого поэта и для тех, кого этот ученик, превратившись уже в мастера, ведет сегодня за собой как педагог. Одно скажу, изучая редакторское мастерство и как журналист, и как выпускница Всесоюзного Государственного института кинематографии по специальности киновед-редактор, я такого восторженного описания редакторской работы не встречала, Ручьева мне знать не довелось, но в том, что описывает Конечкий, угадывается нечто фольклорно-могучее, когда герой то ли пашню поднимает, осторожно, бережно – не повредить бы всходы и сорняков случайных не пропустить, то ли песню поет.

«Сколько слов упущено по ветру
Не таких, что песнями звучат».
(«Биография песни»)

Почти в каждом стихотворении Ручьева тема песни, само это слово становится критерием искренности поэта, цельности его характера, правомерности тех или иных исторических событий.

«Потому сегодня
музыки вдосталь,
золото и солнце...
День – хорош!
Потому сегодня
очень просто,
Молодость почувешь,
да и запоешь.»
(«Ровесники получают премии».)

Песни эти, несмотря на русскую народную стихию, – почти серенады, так адресно они направлены, можно сказать диалогичны (не у Ручьева ли позднее переймет эту диалогичность Борис Марьев). Прочитанное стихотворение посвящено знатному бригадиру Магнитостроя Егору Строеву. «Слово мастеру Джемсу» – это открытый разговор с американским коммунистом, мастером Джемсом, приехавшим работать на стройку молодого советского государства.

«Не беда, что говорим мы розно,

переводчик наш поет в груди —
человек я малый, но серьезный, —
ты за мною сердцем последи.»

И, наконец, одно из лучших произведений Ручьева допоэзного времени – «Стихи первому другу – Михаилу Люгарину», окрашенные романтикой крепкой мужской дружбы, одной из магистральных тем в творчестве Ручьева.

«Ты о первой родине
песню начинаешь,
и зовут той песней —
крепче во сто крат —
пашни, да покосы,
да вся даль родная,
да озер язовых
зорная икра,
да девчата в шалях,
снежком припорошенных,
озими колхозной
ядренные ростки.
И не бьется в сердце
ни одна горошина
давней, доморощенной,
избяной тоски.
...Ты о нашем городе
песню затеваешь,
и зовется в песне
родиной второй,
нас с тобой на подвиг
срочно вызывая,
до последней гайки
наш Магнитострой.
Может, послабее,
может, чуть покрепче,
я пою о том же...
И – навеселе,
как родня – в обнимку
на одном наречье,
ходят наши песни по своей земле.»

Была еще «Песня о брезентовой палатке» – нехитром обиталище истории...

Так песенное начало, прошедшее через все творчество поэта неизбежно врывается в мир его поэм, начиная с первой поэмы – «Песни о страданиях подруги», становится неизбежной их составляющей. Когда началась война репрессированный поэт находился в таежном Оймяконе, где после тушения лесного пожара оказался на больничной койке.

Появилась нечаянная возможность вернуться к творчеству. Ручьев, переживая общую для всего народа трагедию нашествия, пишет поэму «Невидимка», где нарастает его эпическое мастерство, но эпосу опять-таки помогает песня, она протестно рвется из глубины души, овеивает партизанские подвиги.

«А уж ноченька – то ночь, —
никому заснуть невмочь —
Захромали наши кони,
немцами подкованы,
все российские гармони
арестованы...
Вот и дожили, друзья,
до седого волоса,
даже песни спеть нельзя
вполуголоса..
Уж ты, сад, ты, мой сад,
невеселый ты, мой сад,
на дубах твоих столетних
братовья мои висят!
Разожгли фашисты печь,
автоматы сняли с плеч,
поселились гады в доме —
хозяевам негде лечь.
Сама сад я поливала
нынче видеть не могу,
сама домик наживала —
сама домик подожгу...»

«В гневе песней стала быть» – резюме Ручьева из той же поэмы, переполненной яростью к захватчикам.

Поэма «Невидимка» стала для автора школой эпики. Но патриотический порыв Ручьева здесь опирается все-таки на общий народный и песенный опыт. Это героическая фантазия, рисующая гиперболизированный образ сопротивления, личного, пережитого на собственном опыте здесь нет. Фатально роковым образом сложились обстоятельства, что такой патриот, как Ручьев на фронте не был. Но лирический герой цикла стихотворений «Красное солнышко» (1943 – 1956 годы) и поэмы «Прощание с юностью» (1943 – 1959) верит, что его работа «равна отвагой войне». Так сама эпоха сформировала масштаб мышления поэта, потребовала эпических форм, особого уровня гражданственности и суровой человечности.

Когда моего дядю, писателя Стефана Захарова, ответственного секретаря журнала «Урал», клуб имени Пилипенко, работавший при газете «На смену» под руководством Владимира Сибирева, пригласил на встречу, чтобы его участники – молодые поэты могли услышать воспоминания о Ручьеве, Стефан Антонович много рассказывал о преданности поэта своей юности и рабочей теме, обязательности во всех творческих делах журнала. Но помню, что одна будущая учительница все возмущалась, как же это Захаров не поинтересовался за что Ручьева посадили.

.– Тогда уже никто друг друга и не спрашивал, – к ее недоумению ответил дядя, – Все сидели за какую-нибудь ерунду.

Я-то знала, что Стефан Захаров сам был репрессирован, будучи студентом, учившимся бесплатно, когда правительство решило вводить плату за обучение, год перед войной отсидел как бы за участие в литературном кружке. Бабушке с большим трудом удалось добиться справедливости. Таким образом два бывших репрессированных хорошо понимали друг друга. Захаров относился к Ручьеву с большим уважением, иначе и выступления бы этого просто не было.

Ярость к внешним врагам сочетается с приятием собственной несправедливой судьбы, отсутствием ненависти к ней. Романтик—поэт «в пустыне, за полярною чертою» не утратил оптимизма. В поэме «Прощание с юностью» есть попытка осмыслить собственные начала, проверить правильность открытых за прожитые годы истин.

«Полярный ветер. Сопки голубые.
Тиха в снегах тайга.
Текли года.
Друзья меня, возможно, позабыли,
Но я не забывал их никогда».

И опять один из ориентиров судьбы – отношение к песне. Но... Если в начале поэмы мелькнула попытка отказаться от этой стихии (к месту ли?): «Отпела песни юность. Отмечталась...» – то в финале непреходящее торжествует.

«И враз пойдем, что мы совсем не дети,
и наши раны пот соленый жжет,
и не было,
и нет
жар-птиц на свете —
есть наша воля
жить на полный взлет.
И мы – почти что веку одногодки —
про юность
песни вечные споем,
за юность нашу
выпьем доброй водки
в последний раз...
И чарки разобьем».

Постоянное соприсутствие песенности делает эпос Ручьева лирическим, но в то же время остается эпос эпосом. В нем даже можно заметить некие гомеровские черты, благодаря отчетливо выраженному мифологическому элементу, который привносит вторая постоянная фольклорная составляющая ручьевского творчества – сказка с ее метафоричностью и притчевой поучительностью.

Один из замечательных примеров сказочной ручьевской метафоры человек-медведь в «Красном солнышке». Автор постепенно раскрывает содержание этого загадочного, на первый взгляд, образа. Поначалу он пользуется почти театральным приемом отстранения, ссылаясь на источники не очень-то достоверные.

«По слухам, поднимаясь из берлоги
и не боясь в морозы околеть,
почти всю зиму бродит по дороге
страдающий бессонницей медведь».

Далее уточняется источник слухов, они подтверждаются внушающими доверие очевидцами, но история остается все такой же загадочной.

«Как будто бы туманными ночами,

в железный холод, в жгучую пургу
проездом шофера его встречали
на каменном застылом берегу.»

И вот уже возникает портрет этого сказочного героя во весь рост:

«Мохнатой лапой обметая плечи,
встав на дыбки,
сквозь вьюгу напролом
идет медведь совсем по-человечьи,
весь запорошен снежным серебром».

Естественно возникает вопрос: да медведь ли это? Может, нечистая сила какая.

«Пусть чудеса случаются на свете,
но я ручаюсь все-таки в одном:
в такую зиму кровные медведи —
по доброй воле – спят спокойным сном.
Любой из них и в мыслях не захочет
спускаться с гор к ночному рубежу».

И вот разгадка найдена. Автор и фантастический герой оказываются одним существом.

«По должности своей —
ночной обходчик,
здесь только я дорогу обхожу.
Большую шубу опоясав туже,
похожий на медведя в полумгле,
один я ночью мучаюсь на стуже
по заполярной, сказочной земле».

Дальнейшее повествование развивается, как мысленный разговор с любимой женщиной. Это экспрессивно сближает человека-медведя Ручьева с медведем, в которого преобразается герой Маяковского в поэме «Про это». Но на эмоциональной насыщенности двух лирических мужских образов сходство между ними заканчивается. У Маяковского медвежистость – одна из граней характера, так проявляется страсть, распаленная ревностью. Для Ручьева суровая роль медведя – это достойная мужская обязанность, долг перед всей Родиной, а, значит, и перед нежно любимой подругой.

«И разве, полуночнику такому,
мне может быть отказано судьбой
курить махорку, тосковать по дому.
за тыщи верст беседовать с тобой,
угадывать восходы по приметам,
назло пурге сыграть вперегонки,
сесть на снегу и видеть до рассвета
далеких глаз родные огоньки?
И все-таки не чувствовать обиды
за дикий свой, смешной, медвежий вид,

при жизни мы, порой меняя виды,
все так живем, как Родина велит.
...Она приучит к радостям и бедам,
сама одежду выдаст по плечу,
она прикажет —
и живу медведем,
она велит —
и соколом взлечу».

У Ручьева в творчестве соприсутствуют как образы чисто сказочные, так и те, что типологически уходят к мифу и воплощают его в условиях новой эпохи. Зачастую же одно просто перерастает в другое. Так это в стихотворении «Звезды падают дождем», написанном еще в 1934 году, когда и сам поэт, и его друзья действительно осознавали себя чудотворцами – хозяевами своей страны и собственного счастья. Тогда еще не было осознанной дисциплины, было чувство равновеликости с молодым веком, творимым собственными богатырскими силами.

«Где ты шел, сибирский леший,
через мир и через гром
по дороженькам нездешним
с колдованным топором?
Ждал тебя я год и месяц
В наши горные края...»

Четкое указание времени ожидания тоже часто присутствует в сказках.

«...и поверил: спета песня
соколиная твоя.
Вечер был. Сверкали звезды,
И стоял товарищ мой
чернобровый, грандиозный,
бородатый и прямой.
Он сказал: – Под небом синим
шел любую стороной,
нету города в России
не построенного мной».

Вот такой прорыв от мира колдованного к миру грандиозному, один из примеров ручьевского гиперболизма, неизменного для его поэзии. Интересно, что образ вольного сокола, смело парящего над русскими просторами, взятый как антитеза в стихотворении о медведе, здесь соприсутствует тоже, как вполне сказочный.

«Его называли «рабочим поэтом», всегда выпячивая первое слово, но весь-то секрет его и состоял, что он был именно Поэтом, и только жил и писал в такое трудное время, которое барским не назовешь.

«Красным солнышком душу пронес» – говорил Ручьев не только о себе, но о каждом из своего героического и трагического поколения», – пишет о своем учителе Юрий Конечкий. «Красное солнышко» – такой привычный для сказки образ! Да и «Невидимка» тоже ведь наделен типично сказочной неуязвимостью, неуловим, невидим.

Сказка, как и песня, с детства не отпускала поэта, только укреплялась в его мировоззрении как ключ к поэтическому познанию мира, самостоятельному освоению его. Открыто

говорит Ручьев об этом в поэме «Прощание с юностью», где он переосмысливал свою жизнь с точки зрения взрослого, но не предавшего своих истоков человека.

«Рожденный при царе, крещен в купели
в доме столетних прадедов своих,
где входят в кровь, как воздух,
с колыбели
желания, повадки, сказки их,
где по ночам – мы жались первым страхом —
выл домовой, яга стучалась в дом,
змей пролетал над крышей и с размаху
хлестал по окнам огненным хвостом;
где нам, мальчишкам, бабки нагадали:
по золотым жар-птицыным следам
за самым верным счастьем мчаться в дали,
к премудрым людям, к дивным городам».

Также, как позднее Юрий Конецкий, Ручьев шел к своим лиро-эпическим вершинам через ряд стихотворений балладного характера: «История орла, скалы и речки», «Свидание», «Проводы Валентины», «Парень из тайги»... И он к своим вершинам пришел. Пожалуй, главное достижение поэта – его поэма «Любава». В ней осязаемо влияние традиции романтических поэм, о которых писал В. М. Жирмунский:

«Поэт выделяет художественно эффектные вершины действия, которые могут быть замкнуты в картине или сцене, моменты наивысшего драматического напряжения... Объединяются общей эмоциональной окраской, одинаковым лирическим тоном, господствующим в поэме – и в описательных ее частях, и в рассказе, и в действии.»

В «Любаве» современный ему героизм и столкновение эпох Ручьев не просто показывает через драматическую любовную коллизию – особенность метода поэта дала возможность на почве, вроде бы далекой от открытой сказочности, в реальной строящейся России через повседневное, неухоженное бытие прорасти вечному мифу.

Вспомните «Иллиаду» Гомера! И кто теперь докажет, что боги не вмешивались в непосредственный ход сражений, если слепой певец это зафиксировал? Не гомеровским ли участливым богом, немножко – только с другой целью – перехватившим функции «невидимки», предстает в поэме «Любава» нарком Серго Орджоникидзе?

«Будто б раз перед самым рассветом,
приглушив от волненья буры,
горняки его видели летом
на крутых горизонтах горы.
А под осень – на тропах плотины,
по приметам действительно он,
с бригадиром одним беспартийным
полчаса толковал про бетон.
По сугробным, невидимым тропам,
поздним вечером, в лютый буран
он зашел на часок к землекопам
в освещенный костром котлован.
...И по компасу путь выбирая,
шел пешком через ямы и тьму

к первым стройкам переднего края,
лишь по картам знакомым ему».

Тема прекрасного города, его строительства, как решающего исторического события, которая проходит через все ручьевское творчество, здесь получает свое высшее выражение. В «Любаве», по-моему ее носителем и пропагандистом очень ярко написанным стал одноногий служитель загса, инвалид в шлеме со звездой. (Тоже неведомо откуда вылез не то из сказки, не то из мифа какого-то.)

«Сами гляньте, что доли, что горы,
где ни ступишь – то вал, то окоп...
Вроде город наш
вовсе не город,
а насквозь – мировой Перекоп!»

И вот конфликт – выбор души между городом-мечтой и вполне созревшей «царь-девицей» из байки ребячьей» – Любовай. Скажите, а вам это противостояние случайно не напоминает разрушение Трои из-за красоты Елены? Но здесь красота великого будущего города побеждает силу женской красоты.

И опять не могу не процитировать Конечского: «Поэзию Ручьева я полюбил с ранней юности, ценил его поэму „Любава“ за выписанные рукой зрелого мастера характеры и краски, за убедительную интонацию и емкий, саморазвивающийся сюжет. И за музыку стиха. Убери ее – останется великолепная повесть, но исчезнет то волшебство поэзии, которая, обогащая души, таинственно вводит в наш обиход потаенные ритмы глубинной гармонии и добра, недоступные обыденной прозе.»

Конечский же в беседе со мной назвал «Любаву» отложенной поэмой. То есть типичный сюжет тридцатых годов разрабатывался Ручьевым многие годы спустя с 1958 по 1962 годы и, благодаря такой большой временной паузе, приобрел дополнительный объем дыхания и полноту осмысления.

Я с упоением впервые читала стихи Ручьева в городе, полностью объявленном всесоюзной комсомольской стройкой – Аркалыке. Такая акция – не завод, не отдельный объект – целый город строился трудом энтузиастов, ну и, конечно, заключенных. Местный казахский театр – целый курс выпускников ГИТИСа, да и нас, журналистов, выпускников крупных университетов по распределению за романтикой сюда приехало достаточно. Помню, как гордились, что именно здесь, в районе Аркалыка – так звали тот областной центр – в казахской степи садятся космонавты.

Это уже потом мы выяснили, что у города нет перспектив для развития, рудник, возле которого его построили быстро исчерпал себя. Вскоре он областным центром быть перестал, превратился в поселок, а недавно выяснилось: в городе-мечте больше нет населения, он стал необитаемым. А вот Ручьева я опять перечитываю. И, мне кажется, пафос его поэзии не устареет никогда.

Жизнь меняется, но опыт не просто поколений, а вот таких замечательных дарований неисчерпаем, он питает, делает богаче силы молодых. Каким тружеником был Ручьев на Магнитострое (пришлось работать и плотником, и бетонщиком), как доблестно трудился на Севере в годы войны, забывая о собственной несвободе, таким же тружеником был он и в поэзии.

Конечский пишет: «Секретов мастерства он не скрывал: «И план был, и вдохновение было, а многие страницы я сначала писал прозой, а потом уже только зарифмовывал». Мне поэм, в те годы еще не писавшему, дико было слышать о каком-то плане, но ведь многотыся-

честрочная поэма единым махом, с наскоку – теперь-то я знаю! – ни в жизни не напишется. Это тебе не лирическое стихотворение в шестнадцать строчек!»

Ручьев был счастливым человеком – творцом, полным оптимизма. Он умел дружить и, наверное, потому легко находил общий язык с молодежью, что сам обладал молодой энергетикой, которая легко читается в его стихах. Другой его ученик и соратник Конецкого и Ладейщиковой в шестидесятых годах, а мой педагог и наставник – поэт Борис Марьев, которому я также посвящаю в своей книге отдельную главу, описал это взаимодействие в своих стихах «Памяти Бориса Ручьева».

«У Кремля,
На Софийской набережной,
Меж поэтов
Он был – как бог,
И глядел я
Почти что набожно
На его седину
и батог.
Он меня
Среди молодежи
Обнаружил сам —
за версту,
И на лице его
Обмороженном
Было что-то от тундры в цвету...
Остальное – в каком-то мареве.
Был доклад. Содоклад. Буфет..
– А читали вы
Борьку Марьева?! —
Грянул он на весь кабинет.
И ко мне на плечо,
Безжалостный,
Как в присяге,
С размаху лег
То ли посох его
Державинский,
То ль колымский его батог...
...Как мы пили с Ручьевым!
Спорили!..
Был он ровней со мною —
с юнцом...
Нас паскуды какие-то ссорили.
Разве можно
Поссорить
С отцом?!»

Фигура самого Ручьева приобретает здесь прямо-таки библейскую мифологичность. Марьев, рисуя его как Бога, практически композиционно развивает сюжет 4 строфы 22 псалма: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною, Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня.» Стихотворение Марьева завершается так:

«Спит поэт, землекоп и философ,
Хоть в Магнитке —
не пухом земля...
Заведу я
ко времени
Посох —
Наподобье его костыля.
Перед тем,
как лечь
По соседству,
Ту —
ручьевскую —
Благодать
Передам я другим...
По наследству...
Только было б
Кому
Передать!»

Даже, если допустить, что это мое сопоставление с библейским текстом несколько привязанное, нет на свете ничего случайного. Посох этот был, видимо, абсолютно органичен, как последний дополнительный штрих к незабываемому портрету этого деятельного по-державински государственника в уральской поэзии. Как я уже писала, не одному Марьеву он указывал им путь в поэзии. Обратимся снова к вполне реалистическим воспоминаниям прямо по-сыновьи преданного памяти Ручьева Конецкого. Я все время надеюсь, что его живые записи станут когда-нибудь основой воспоминаний о судьбах его поколения шестидесятников и тех, кто это поколение за собой вели. Сам Юрий Валерьевич называет себя в творчестве прямым наследником классической советской традиции тридцатых годов, не только Ручьева, но и Корнилова, лауреатом премии которого он является. Вернемся сейчас к моменту первой встречи Конецкого с героем этой моей главы.

«Весной 1969 года в гудящем молодыми голосами холле московской гостиницы «Юность» кто-то из челябинских поэтов по праву земляка – то ли Саша Куницын, то ли Слава Богданов – познакомил меня с Борисом Александровичем Ручьевым, который переложив нагруженную палочку – батожок из одной руки в другую, неторопливо протянул мне свою доброжелательную ладонь.

– Неровно работаешь, – сказал он хрипловатым голосом вместо приветствия, – стихи пишешь крепкие, настоящие, да вдруг – слабинка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.